

«Щепетильник», кажется, не испытывал цензурных затруднений, но и успеха не имел. Такой вывод можно сделать из предисловия Рубана к «Трудолюбивому муравью» (1771), где речь идет об общем упадке сатирической журналистики. «Один только Щепетильник, — пишет Рубан, — начавшись с мая совершил свое течение постоянно до окончания года, не выдерживая карантина в типографии, но, будучи одержим подагрой, не много расхаживал по свету и теперь еще отдыхает на одре у книгопродавцев». Сам Чулков тоже отмечал падение читательского интереса к журналу (ПЩ, с. 264). Это заставило его завершить издание «с великим убытком». Тем не менее, заключая декабрьский номер, заполненный историческими публикациями, он с особой гордостью подчеркнул, что выполнил свои издательские обязательства, не «солгал» перед публикою: «Не хотел я последовать тем премудрым авторам, кои напечатав первый лист роздали билет и обобрали с желающих деньги; на втором листе прервали свое сочинение, прервали охоту читателей, пропали билеты, погибли деньги, а те издатели остались в той надежде, что все оное со временем предастся забвению» (ПЩ, с. 325).

Это было последнее обвинение, брошенное Новикову, «Пустомеля» которого неожиданно и без объяснений прекратился на втором номере. Чулкову нечего было противопоставить своему старому противнику, кроме намека на коммерческую несостоятельность издателя. Деятельность Чулкова-журналиста завершалась «Парнасским щепетильником». Новиков же через год приступил к изданию «Живописца», журнала более совершенного типа и пользовавшегося еще большим успехом, чем «Трутень». Читателю XVIII в., как и в любое другое время, не столь важно было постоянное «течение» журнала, как его проблематика.

В «Живописце» в предисловии «Автор к самому себе» Новиков оценил результаты журнальной борьбы 1769—1770 гг. и суммировал свои мнения о сложившихся в это время направлениях и точках зрения. В одном из типов писателей, деятельность которых никак не была приемлема для Новикова, узнается Чулков. Это автор, старающийся забавлять разум своими сочинениями и производить смех в разумных читателях». Но «бедный автор! — восклицает Новиков. — Он больше досаждаёт и производит скуку, а смеется только сам» (СЖ, с. 285). К 1772 г. Чулков уже перестал быть деятельной литературной фигурой, и Новиков мог уверенно произнести окончательный приговор журналисту подобного типа с точки зрения стоявших перед публицистикой новых задач.

Все же по окончании журнальных битв 1769—1770 гг. между Чулковым и Новиковым не установилось резко враждебных личных отношений. Об этом свидетельствует эпизод с изданием альманаха «Российский Парнас», который был отпечатан в 1771 г. по заказу Чулкова в типографии Морского шляхетского корпуса. С новым титульным листом и допечаткой десяти страниц текста издание вновь поступило в продажу в 1773 г.